

Андрей Львович Ливадный Деметра

Аннотация

3750 год.

Люди уже давно знают, что три миллиона лет назад в космосе обитало три разумных расы, которых, как считалось, смела губительная миграция Предтеч. И вот внезапное открытие картографическим крейсером «Терра» потерянной колонии эпохи Великого Исхода опровергает утверждения историков. Часть цивилизации инсектов уцелела и теперь их деградировавшие потомки ведут взаимоуничтожающую войну с людьми, вторично колонизировавшими их мир.

Часть первая.

Дитя бездны.

Глава 1. Астероиды.

*За какой-то чертой, средь незримых границ,
Где забытые боги оставили след,
Предначертан твой путь... Сотни каменных лиц
Смотрят с темных руин... Бездна прожитых лет
Искажила черты и растрескала лбы,
И фасетчатых глаз тусклый блеск неживой
Отражается в лужах стоячей воды,
В мире, что предначертан жестокой Судьбой...*

...

*Ты слабым был, когда пришел сюда...
Твои надежды рассыпались в пепел,
Смыvala их осенняя вода...
И ты не вспомнишь, — был ты... или не был?
А в памяти лишь боль... и холода...*

— Папа, расскажи мне о звездах!

Антон повернулся на бок и посмотрел в дверной проем. Из смежной каюты, откуда на пол спальни через открытую дверь падал косой столб света, доносился тихий шелест

охлаждающего вентилятора. Отец, сидя за рабочей консолью, в задумчивости перебирал только что полученные прозрачные свитки курсовых карт.

— Мне некогда, сынок, — не поворачивая головы, ответил он.

— Ну па... ты же обещал! — В голосе десятилетнего мальчика не было капризных ноток, лишь непоколебимая детская уверенность в том, что взрослые ничего не обещают просто так. — Ты помнишь, вчера? — простодушно намекнул он.

Отец, все еще занятый своими мыслями, со вздохом отложил тонкие свитки недосмотренных курсовых распечаток и встал.

— Ну хорошо, — согласился он, подсев на край детской откидной кровати.

— Что тебе интересно?

— Все! — радостно встрепенулся

Антон. — Все, что мне не говорят андроиды! — он скрочил рожу, изображая лицевую пластину человекоподобного робота. — Терпеть ненавижу! — признался он.

— Это почему же? — усмехнулся отец.

— А ну их. Вечно пристают: туда не ходи, это не трогай...

— Ну они же заботятся о тебе, — возразил отец. — Ты уже взрослый и должен понимать, что нам с мамой бывает некогда уделить тебе достаточно времени. Люди для того и придумали роботов...

— Ладно, па... не надо! Давай о звездах! Знаешь, что мне сегодня сказал Илья Матвеевич? — Антон внимательно посмотрел на отца, пытаясь придать своему лицу то сосредоточенно-серьезное выражение, которое бывало у их капитана Белгарда,

когда тот разговаривал по внутренней связи.

— Ну?

— Он сказал, что вокруг нас злые звезды! — сообщил Антон. — А я ему не верю! — тут же похвастался он. — Вон смотри, — он ткнул указательным пальцем в сторону миниатюрного экрана, вмонтированного в переборку напротив кровати.

— Эта голубая, какая она яркая и чистая!

— Илья Матвеевич неправильно выразился, — невольно улыбнулся отец. — Ты должен запомнить, что не бывает злых или добрых звезд. Они все одинаково неживые, только одни могут быть опасны для людей, а другие — нет. Понимаешь, звезды... — он сделал короткую паузу, подбирая нужное слово, — они неодушевленные, как и вся космическая материя, и потому не

могут быть злы. Нельзя подразделять их, пользуясь человеческими понятиями чувств. Ты понимаешь, о чем я?

— Ага... — согласился Антон. — Понимаю, папочка.

— Ну, что еще тебе наговорил наш навигационный гений? — вновь улыбнулся отец, представив, как первый навигатор «Терры» философствует перед Антоном.

— Да так, ничего... Кстати, пап, а почему меня не пускают в невесомость?

— Потому что там опасно. Расквасишь себе нос. Лучше расскажи, что ты сейчас проходишь?

Глаза мальчика поскучнели.

— У... — протянул он, — сегодня я занимался основами биологии кислородных планет.

— Интересно?

— Скучно, — пожал плечами Антон. — Мне больше нравится история Галактики! — с жаром заявил он.

— История Галактики?.. — рассеянно переспросил отец, мысли которого незаметно перескочили на проблемы полета. — Но ведь тебе еще рано!

— Я только немного почитал... — смутился мальчик. — Файлы по истории такие интересные...

— Не забивай себе голову, — строго сказал отец, — всему свое время. А без знания экзобиологии в наш век иногда бывает просто не выжить. И истории тебе будет не понять, потому что развитие и колонизация большинства населенных планет были предопределены именно их биологической средой... Ладно, спи... — он взъерошил волосы сына. —

Мне скоро на вахту, — объяснил он, — а еще нужно разобраться с полетными картами.

— А ты не сердишься?

— За что?

— Ну ведь я без спросу лазил по файлам компьютера...

— Нет, не сержусь, — улыбнулся отец. — Любознательность — это не порок. Игорь Велюров, первый офицер картографического крейсера «Терра», поцеловал сына и, подойдя к стене, погасил свет, оставив сиять лишь маленький, вмонтированный в переборку между каютами проекционный стереоэкран, на котором медленно перемещались, реагируя на коррекции курса корабля, немигающие россыпи звезд.

— А мама скоро вернется? — поинтересовался из темноты голос Антона. — Она поцелует меня?

— Ну, конечно, — Игорь приоткрыл дверь в смежную каюту, и на пол детской, прорвавшись через овальный дверной проем, вновь упал косой столб света. — Только боюсь, что ты уже будешь спать, — лукаво добавил он. — У мамы вахта до полуночи.

Антон вздохнул и повернулся на бок.

— Тогда зайди к ней и передай от меня спокойной ночи... — сонным голосом попросил он.

Игорь кивнул и прикрыл дверь, оставив лишь небольшую щель. Сам он, будучи маленьким, не любил засыпать в полной темноте.

Усевшись в кресле за подковообразным рабочим столом, под темной поверхностью которого перемигивались приглушенные покрытием столешницы контрольные огоньки сенсорных панелей, он включил канал записи бортового

журнала и проговорил, одновременно набирая на консоли бытавтомата меню своего позднего ужина:

— Сегодня двадцать девятое мая три тысячи шестьсот девяносто восьмого года по универсальному Галактическому календарю... В ноль часов пятнадцать минут бортового времени наш корабль пересек границу последней, включенной в полетный план планетной системы... — он на секунду задумался. Тихо пискнул зуммер бытавтомата, и первый офицер «Терры» повернулся, чтобы забрать из ниши поднос со своим ужином.

— Обстоятельства складываются таким образом, что после исследования этой системы мы будем вынуждены завершить полет... — продолжил он диктовать запись. — И, хотя Белгард считает, что восьми обнаруженных нами в течение полета кислородных

планет мало, для экипажа вопрос о возвращении становится уже едва ли не самым важным предметом разговоров.

Игорь нажал сенсор паузы и пододвинул к себе поднос.

Двенадцать лет... Эта цифра даже сейчас звучала ошеломляюще. Двенадцать лет назад картографический крейсер «Терра» покинул орбиту Порт-Эверанса — так именовалась одна из недавно возникших колоний Окраины. Полет «Терры» был экспериментом, от успешного завершения которого во многом зависело будущее космической картографии.

Впервые за последнюю тысячу лет был возрожден исторический опыт безанабиозного полета, когда экипаж не погружался в криогенные усыпальницы на период, пока крейсер преодолевал межзвездные расстояния. Команда

«Терры», составленная путем скрупулезного психологического отбора на совместимость, состояла из двадцати пяти человек и представляла собой уникальную научную группу. Они исследовали не только открытые планеты, но и гиперсферу, куда периодически погружался крейсер для коротких, «полуслепых» прыжков, и состав межзвездной среды, и многое другое. Сам корабль, построенный по принципу «космического дома», тоже являлся своего рода уникальным.

На излете тридцать седьмого века человечеству вновь становилось тесно в границах колонизированных миров. Цивилизация явно стояла на пороге новой волны галактической Экспансии, но, учитывая горький опыт Первого и Второго рывков, когда масса колониальных транспортов канула в неизвестность, их полет должен был

доказать, что длительная жизнь в условиях корабля вполне возможна и эпоха «слепых прыжков» прошла. Отныне специально подготовленные экипажи вполне могли вести колониальные транспорты от планеты к планете в поисках того единственного мира, который удовлетворит потребностям человеческого метаболизма. Восемь кислородных планет, три из которых были потенциально готовы стать колониями, — вот тот результат, которого до них не добивался ни один исследовательский корабль, управляемый самыми совершенными кибернетическими системами.

Игорь покончил с ужином и убрал поднос. Вернувшись к рабочему столу, он продолжил запись:

— Двенадцать лет... — повторил он вслух свою недавнюю мысль. — Вот

тот срок, который можно назвать пределом человеческого терпения даже в таких продуманных, комфортных условиях, что дает нам «Терра». За это время мы углубились в область неисследованных секторов на девять с половиной парсек, что составляет около трехсот десяти световых лет. Нами было исследовано двадцать восемь планетных систем и накоплен бесценный опыт навигации. Сейчас нам предстоит последняя работа по исследованию двадцать девятой по счету системы и затем — прыжок «домой» на известные координаты Порт-Эверанса...

Игорь взглянул на таймер бортового хронометра и внезапно добавил:

— Мы уже восемнадцать часов движемся в границах системы, и все это время меня почему-то не покидает необъяснимое, с точки зрения здравого

смысла, беспокойство. Видимо, мы все вышли на какой-то предел, и сама мысль о последней задержке на пути домой и связанном с ней минимальном риске действует угнетающе. Думаю, что в своих рекомендациях я буду настаивать на сокращении срока таких полетов до границы в десять универсальных лет Галактического календаря...

Игорь немного подумал, но не нашел, что еще можно добавить к сказанному. Вроде бы все и так предельно ясно.

— Конец записи, — проговорил он, вставая из-за рабочего стола. — Следующую надеюсь сделать уже по пути домой.

Он коснулся сенсора, выключив микрофон, погасил свет и, заглянув в каюту к сыну, вышел в широкий кольцевой коридор. Через час им

предстоял маневр сближения со второй планетой системы, и Игорь надеялся, что еще успеет заглянуть в оранжерею, где работала жена, и передать пожелание Антона.

* * *

Антона разбудил настойчивый зуммер.

Оторвав голову от подушки, он привстал на локте и сонным, непонимающим взглядом уставился на моргающий в метре от него зеленый сигнал.

Зуммер продолжал выводить свою настойчивую трель.

«Интерком...» — понял Антон, окончательно проснувшись.

Откинув одеяло, он встал и прошелепал босыми ногами по холодному полу до стены, в которую

была вмонтирована панель внутренней связи.

Никого из родителей в каютах не было, это мальчик определил сразу, бросив мимолетный взгляд на светящееся в темноте табло бортового хронометра. Было только начало двенадцатого, а значит, мама еще не вернулась, а отец уже ушел. Он всегда, прежде чем заступить на вахту в астромодуле, проходил по всем важным помещениям корабля.

Отжав клавишу связи, Антон отступил на шаг назад, как это делал отец, чтобы попасть в поле зрения крохотного объектива видеосистемы.

Экран осветился, и на нем, к удивлению мальчика, возникло суровое лицо капитана Белгарда. За спиной Ильи Матвеевича проглядывал фрагмент ходовой рубки крейсера. В такие моменты (а они выпадали крайне

редко) Антону всегда неодолимо хотелось попросить капитана, чтобы он отодвинулся и дал ему возможность заглянуть туда — в святая святых огромного корабля, но, как обычно, он не решился этого сделать.

— Доброй ночи, мой мальчик, — проговорил капитан густым басом. — Я тебя разбудил?

— Ничего, дядя Белгард, я совсем не спал...

— Скажи, отца разве нет в каютах?

— Нет.

— А ты не знаешь, куда он пошел?

Антон, почти не раздумывая, пожал худенькими плечами. Откуда же ему было знать?

Илья Матвеевич нахмурился.

— Наверное, он в оранжерее, — наконец решил капитан. — Только там он мог оказаться далеко от динамика интеркома. Я вызывал его по общей

связи, но ничего не получилось... — капитан старался говорить спокойно, но мальчик ясно различил в его голосе тревожные нотки. — Послушай, сынок, тебе ведь нетрудно добежать до оранжереи? — спросил он. — У меня, как назло, ни одного свободного человека под рукой, а твой папа срочно нужен в ходовой рубке.

— Ну, конечно! — с готовностью согласился мальчик, шаря рукой впотьмах, чтобы найти сложенную у кровати одежду. Дядя Белгард еще спрашивал?! Что может быть лучше прогулки по кораблю в ночное время да еще по приказу самого капитана!

Тем временем интерком отключился. Антон нашел одежду и зажег ночник, чувствуя, что его внезапно охватило неосознанное беспокойство, словно то волнение, что он почувствовал в словах дяди Белгарда, передалось и ему.

Распаленное детское воображение тут же подсказало ему, что на корабле или же вне корабля что-то случилось.

Быстро натянув одежду, мальчик выскочил из каюты в кольцевой коридор яруса. Свернув в первый попавшийся радиальный тоннель, он добежал по нему до шахты пневматического лифта, вошел в пустую кабину и нажал кнопку четвертого уровня.

Коридоры этой части крейсера были так же пусты и безлюдны. Из-за расписания искусственной ночи лампы тут горели через одну. Многочисленные двери отсеков были плотно закрыты, и из-за них не доносилось ни звука. Антон добежал до входа в оранжерею и нетерпеливо ткнул столбиком личного пропуска в гнездо электронного замка.

Двойные герметичные двери

открылись с мягким чавканьем пневмоуплотнителя, и он оказался на пороге буйного сада, освещенного ярким сиянием оранжерейных ламп и призрачным светом звезд, струившимся сквозь прозрачный пластик потолка и части стен.

Одна звезда казалась особенно близкой и яркой, она походила на ослепительную голубую горошину, и Антон невольно подумал, что это, наверное, и есть последний пункт их полета.

Вокруг незримо присутствовала своя, неповторимая жизнь. С одной стороны, можно было сказать, что в оранжерее царит тишина, но стоило остановиться и прислушаться, как буйные заросли вокруг оказывались полны тихих ночных звуков. Сонно шевелилась листва, мерно покачиваясь под легкими дуновениями вентиляционной системы,

далеко, в глуби оранжереи, слышался монотонный звук сервоприводов робота, где-то капала вода, срываясь в невидимый отсюда водоем.

Панорамные окна примыкающих к оранжерее биолабораторий были темны. Антон быстро пробежал по центральной аллее до входа в лабораторный комплекс, подергал запертую дверь, обернулся и позвал:

— Мама! Папа!

Он повертел головой, в надежде увидеть кого-нибудь из взрослых, но оранжерея казалась пустой и безлюдной. Антон почувствовал безотчетный страх, который маленьким холодным язычком лизнул его грудь как раз в том месте, где гулко колотилось сердце.

Взгляд Антона вновь метнулся по зарослям, и вдруг он вздрогнул, краем глаза заметив какое-то движение за

прозрачным армированным сводом оранжереи, где в холодной пустоте космоса сияли звезды.

В следующий момент его обуял ужас.

Там, за прозрачным сводом, звезды заслонила мерцающая тень. Это было похоже на огромное, струящееся медленными волнами опахало, размером с половину обозримых небес... Оно было черно, как ночь, и лишь вспыхивающие тут и там искорки света обозначали в пространстве его исполинский контур. Это волнообразное, похожее на тысячекилометровый, вышитый блестками прямоугольный парус образование медленно поворачивало навстречу их кораблю, но ужас в оцепеневшего мальчика вселило не это фантастическое покрывало из тьмы, а то, что располагалось чуть впереди его.

Сквозь прозрачный свод оранжереи он отчетливо видел несколько десятков огромных каменных глыб, которые этот растянувшийся в пространстве веер гнал перед собой прямо на купол, под которым в этот момент находился мальчик...

Неправда, что внезапная опасность рождает фантастические по своей скорости реакции... Антона буквально пригвоздило к месту. Разинув рот, он беспомощно стоял посреди центральной аллеи корабельного сада и смотрел, хотя сонный мир вокруг него наконец ожил, взорвавшись многоголосьем сирен, голосами, каким-то движением...

Астероиды... Это страшное слово не давало ему пошевелиться. Все вокруг почему-то утратило смысл, остались только эти многотонные каменные глыбы, которые были уже так близко,

что он мог различить их неровную, выщербленную поверхность, освещенную бортовыми навигационными огнями крейсера и отчаянными вспышками корректирующих дюз...

— «...Тревога!» — хорошо поставленный женский голос мягко выговаривал страшные по своему смыслу слова, словно это могло кому-то помочь...

— «Всем проследовать в ближайшее укрытие...» — мягко советовала аудиосистема бортового кибермозга, вещая через сотни скрытых динамиков общей связи. — «Угроза полной разгерметизации отсеков правого борта. До столкновения с астероидными массами осталось десять секунд... Девять... Восемь...»

Черное опахало закрыло уже весь обозримый небосвод. Его края внезапно

начали загибаться, словно оно пыталось обнять корабль...

Сбоку от оцепеневшего мальчика в нише, расположенной рядом с запертым входом в лабораторный комплекс, внезапно возник столб изумрудного света — это включилось защитное компенсирующее поле...

— «Пять секунд до столкновения... Три...»

— Мама! — в ужасе закричал Антон, когда первая глыба ударила в корабль, заставив его содрогнуться от носа до кормы.

Прокатившаяся по палубам корабля тяжкая конвульсия сбила его с ног. Он упал, сильно ударившись локтем о какой-то выступ, и это наконец вырвало мальчика из пагубного оцепенения.

Вскочив на ноги, он метнулся к столбу изумрудного света, чувствуя,

как резко начала падать искусственная гравитация и пол вдруг стал уходить из-под ног, рождая тошнотворное ощущение невесомости тела.

Антону повезло. Он успел коснуться спасительного свечения прежде, чем раздирающие корабль силы протащили его мимо.

Компенсирующее супензорное поле мгновенно потянуло его вовнутрь. Как и на практических занятиях, Антон почувствовал легкое сопротивление, словно его тащило через студень, потом мир вокруг вдруг обрел кристальную ясность, и он понял, что стоит внутри светящегося столба, не в силах пошевелить ни одним мускулом.

В этот момент один из астероидов ударил в оранжерею.

Полукилометровая каменная глыба, вынырнув из мрака космоса, на секунду сверкнула своими угловатыми гранями,

поймав отсветы от сотрясавших корабль взрывов, и с надсадным, тяжким треском врезалась в прозрачный пластиковый купол оранжереи.

Антону очень хотелось, чтобы все это было лишь кошмаром, дурацким сном, чьей-нибудь неумной шуткой, но он не мог даже зажмуриться или отвести глаза — физическая природа защитного поля не позволяла ему ни одного движения... Он мог лишь в немом оцепенении смотреть, как край глыбы коснулся купола и пластик вдруг начал медленно проседать под напором незваного космического гостя; по своду оранжереи зазмеились трещины, материал купола стал плавиться, принимая формы наседающей глыбы, и вдруг... верхняя часть свода, не выдержав напора, лопнула, осыпавшись вниз горячими, острыми осколками, а в

образовавшуюся дыру, куда продолжала вламываться угловатая, темная глыба камня, рванул воздух.

Встреча двух стихий была чудовищна. По всей оранжерее, площадь которой достигала нескольких квадратных километров, закрутились мутные смерчи, срывая ветви с кустов и деревьев. Потоки воздуха рванулись в пробитое астероидом отверстие; их напор оказался так силен, что стремящийся вырваться в вакуум воздух сначала затормозил уже потерявшую часть своей скорости при столкновении каменную глыбу, а через несколько секунд и вовсе вытолкнул ее назад, в космос, словно плохо пригнанную пробку из горлышка бутылки...

Антон видел, как лопнули осветительные приборы, раскидывая вокруг фейерверки искр, и в центре

оранжереи возник мутный столб торнадо, который, уходя вверх, мгновенно увлекал за собой все: вырванные с корнем растения, которые уже скорчились и пожухли от ворвавшегося вовнутрь космического холода, какие-то приборы, стойки и даже землю из длинных пластиковых ванн, сами ванны и наконец...

Сознание мальчика не смогло выдержать этой картины. Ему оказалось достаточно боковым зрением заметить силуэт поднимающегося в потоке воздуха к пробитому потолку человеческого тела, чтобы в его голове вспыхнула невыносимая, превышающая все мыслимые пределы боль, и он провалился в спасительное беспамятство...

Впрочем, его забытье оказалось недолгим. Суспензорное поле, в котором он находился, являлось не

просто потоком силовых линий. Антон даже не представлял себе того принципа, на основе которого функционировал спасательный световой столб, просто он слышал, что это недавнее изобретение было установлено на их корабле в качестве эксперимента. Считалось, что при аварии и разгерметизации отсеков человек может прожить внутри такого устройства до нескольких суток. Ярко-зеленая окраска силового потока была придумана специально, чтобы облегчить поиск спасательным командам...

Он не мог открыть или закрыть глаза. Просто в какой-то момент перед ним начали проступать смутные, размазанные очертания окружающих предметов. Через некоторое время, окончательно прияя в себя, Антон понял, что перед ним скелет

оранжереи...

Сердце мальчика сжалось от страха. Он был еще слишком мал для того, чтобы трезво оценить масштаб постигшей их корабль катастрофы, но открывшаяся перед ним картина потрясла Антона до глубины души... Он вдруг оказался в совершенно чужом, страшном и незнакомом мире, где не было ничего, что он мог бы узнать... Катастрофа произошла не с кораблем — весь мир рухнул и изменился. Внутри супензорного поля Антон не был подвержен губительному воздействию вакуума и космического холода, но ему до бесконтрольного спазма легких и продравшего по коже озноба вдруг показалось, что расплескавшаяся в пробоине Бездна тянет к нему свои ледяные, корявые пальцы, чтобы превратить его тело в такую же сморщенную бесформенную

массу, которая образовалась на том месте, где еще совсем недавно буйствовала зелень оранжерейной растительности.

Вместо прозрачного купола над головой Антона возвышался покореженный каркас арматуры. Это было похоже на смятую клетку с погнутыми прутьями, внутри которой в состоянии невесомости плавал различного рода хлам...

За прутьями клетки, на фоне зелено-голубого шарика планеты, проплывали клочья разорванного опахала. Его искрящиеся вкрапления погасли, и куски черноты, размером с половину их корабля, то и дело проплывали в поле зрения, закрывая звезды и сияющий полумесяц близкой планеты.

Антону ужасно хотелось кричать. Такого чувства беспредельной тоски, заброшенности и одиночества он не

испытывал никогда. Добрый, надежный мир звездного корабля, где были мама и папа, друзья, взрослые, внезапно превратился в ничто...

За всю свою короткую жизнь Антон ни разу не испытал ничего, даже отдаленно похожего на те чувства, что заставляли сейчас картину немигающих звезд расплываться перед его глазами. Он не знал, что такое горе и ненависть. Все были одинаково добры к нему — первенцу, родившемуся на борту «Терры» еще в самом начале полета... и вот их нет. Нет никого...

Впоследствии Антон не мог вспомнить, сколько времени он провел внутри супензорного поля. Единственное, что отчетливо сохранила в себе его память, — был страх. Страх перед космосом. Он изнывал от него, не в силах владеть собственным телом и постоянно с ужасом представляя, как

гаснет изумрудный защитный столб и он, лишившись этой последней защиты, падает в ледяные объятия мрака...

Он не знал, что в самом деле произошло с кораблем, но надежда в сердце мальчика то угасала, то разгоралась вновь с удвоенной силой. Его детскому воображению было трудно представить, что «Терра» уничтожена полностью. Казалось, еще немного, и среди искалого звездами мрака вспыхнет свет и в разрушенной оранжерее появятся фигуры в белоснежных скафандрах, которые вытащат его из светового столба, но шли часы, надежда сменялась отчаянием, и никто не приходил, лишь холодный свет далеких звезд да сияние близкой планеты, которая медленно наползала на разрушенный корабль, освещали панораму развороченной оранжереи, в углу которой сиротливо

горел двухметровый изумрудный столб света.

Потом Антон окончательно обессилел и перестал воспринимать реальность. Он уже не мог с точностью определить, что происходит в его воображении, а что наяву. Возможно, поэтому мальчик не испугался и не удивился, когда увидел между искореженными опорными фермами две темные фигуры.

Они казались похожими на людей, но стоило присмотреться к ним, как это сходство становилось лишь схематичным. Существа, в реальность которых было трудно поверить, медленно пробирались меж обломков, и на них не действовала царящая вокруг невесомость.

Антон, который не мог шевелиться, равнодушно смотрел, как две лишенные плеч фигуры приближаются

к сияющему столбу супензорного поля. Мальчика, уже десяток раз успевшего пережить свою воображаемую агонию, совершенно не удивил их облик. Он был уверен, что они не настоящие. Это было похоже на насмешку. Люди не носили таких скафандров. Самым большим желанием Антона в тот момент было закрыть глаза и не видеть этих воображаемых фигур.

Но это было невозможно. Фигуры, раздвигая короткими руками парящие в невесомости обломки, уже приблизились настолько, что он смог различить зеленоватые отблески на покрывавшей их тела броне и змеящиеся по ней гофрированные шланги, концы которых уходили за спины существ и, изогнувшись, исчезали в продолговатых каплеобразных шлемах, напрочь

лишенных лицевых щитков.

Тонкие ноги существ, как и короткие руки, казались приклейенными к туловищу с боков. Зрелище было отвратительным. Фигуры без плеч, с каплеподобными головами остановились совсем рядом и, казалось, разглядывали его, едва заметно покачиваясь на длинных, широко разнесенных в стороны суставчатых ногах...

Антона обуял ужас... В который раз за последний отрезок безвременья?.. Мальчик был едва жив, и то благодаря тому, что попросту не мог шевельнуться в цепких оковах супензорного поля... иначе он уже давно бы совершил сотню разных поступков, каждый из которых неминуемо вел к смерти в условиях постигшей корабль глобальной катастрофы...

Внезапно его обострившееся от ужаса восприятие окружающего мира донесло какой-то слабый, прозвучавший на пределе слышимости голос. Звук, который, казалось, звучал не в ушах, а прямо в мозгу, чем-то напоминал слышанный им однажды скрип заржавевшей петли ангарного створа...

И тем не менее он понял его смысл!

— Видишь, Зерг, к чему приводит упрямство... — проскрипел голос.

Антон не мог сообразить, сложились ли скрежещущие звуки в известные ему слова или же он попросту понял значение этого скрипа, но так или иначе...

Одно из существ слегка отклонило свою голову.

— Это не упрямство... — ответил скрип немного иной тональности. — В данном случае имеет место слепое

стечении обстоятельств. Этот корабль вышел из гиперсферы, и мы не могли предвидеть его столкновения с энтрифагом...

— Это корабль двуногих... — вновь вступил первый скрежет. — Космический корабль двуногих... — повторил он. — Ты понимаешь, что это значит, Зерг? Они прилетели на помошь планете. Разве тебе мало этого факта? Твое упрямство не дало нам вовремя истребить эту нечисть, и вот результат...

Антон ровным счетом ничего не понял. Знакомые ему понятия складывались в какую-то головоломку.

Одно из существ еще больше приблизило свою каплеобразную голову к столбу супензорного поля.

— Это детеныш... — прошелестел голос в сознании обмершего от страха и отвращения мальчика. — Он попал в

ловушку, и ему не выбраться отсюда без посторонней помощи...

— Ну и что? — перебил его визгливый скрип. — Ты что, собираешься помочь ему? Детенышу наших врагов?

— Мы не воюем с ними.

— Да... это они воюют с нами. Они воюют со всем, что имеет способность жить и размножаться...

— Это беспомощное маленькое существо, — спокойно возразил тот скрипучий голос, что принадлежал Зергу. — Оно погибнет, и это будет на моей совести.

— Здесь погибло много существ, — напомнил второй.

— Это была катастрофа, — резонно заметил первый голос. — А если мы сейчас уйдем, это будет убийством.

— Ты не понимаешь, что говоришь, Зерг... Впрочем, поступай как

знаешь... Этот корабль все равно обречен. Еще немного, и он рухнет в атмосферу.

Антон, оцепенев от ужаса, слушал этот непонятный диалог и не понимал, явь это или же нет.

Внезапно одно из существ подняло короткую руку, и он почувствовал, как прямо в мозгу вдруг закружилась ослепительная, сотканная из тысяч ослепительных искр спираль.

В следующий момент на него со всех сторон навалилась оглушающая тьма.

* * *

— Ну, Антон, миленький, очнись... ну же!.. — эти слова, дошедшие до сознания мальчика сквозь вязкую пелену беспамятства, сопровождались ощутимыми шлепками по его щекам и острым, режущим обоняние запахом

чего-то медицинского...

Он открыл глаза, и сквозь мутный туман внезапно проступили черты склоненного над ним бледного лица.

Он с трудом узнал капитана Белгарда. Его скула была одним сплошным кровоподтеком, лоб и переносицу пересекала уродливая царапина с рваными краями, на которой сгустками запеклась кровь.

— Ну наконец-то!.. — облегченно выдавил из себя капитан, бессильно откидываясь назад, как оказалось, в кресло, вплотную придвинутое к откидной койке, на которой лежал Антон. — Я думал, что потерял и тебя, мой мальчик... — хрипло выдавил Илья Матвеевич.

— Дядя Белгард... — прошептал Антон, и слезы внезапно брызнули у него из глаз. Горло мальчика сдавил удущливый спазм, и он откинулся голову

на подушку, бессмысленно глядя в рифленый потолок капитанской каюты, лишь чувствуя, как горькая волна сжимает гортань и слезы горячими ручейками бегут по щекам, капая на постель.

Сильная рука капитана обняла его, пытаясь успокоить. Но от этой скучой ласки Антону стало еще хуже...

Его мир окончательно погибал в эти секунды, и он ничего не мог с этим поделать...

Он резко отстранился, скинув руку Ильи Матвеевича, и, прижавшись к стене, сквозь слезы взглянул на бледного капитана.

— Никого?.. — выдавил из себя Антон страшный вопрос. — Никого больше нет?

— Никого, мой мальчик... — с трудом проговорил капитан. — Только ты и я...

Антон закрыл глаза. Илья Матвеевич что-то добавил, но он не слышал больше его слов, потому что в мозгу Антона гулкой болью пульсировало, повторяясь до бесконечности, только одно это слово — «НИКОГО»...

Сколько времени он пролежал в полузабытии?

Перед плотно сомкнутыми веками, из-под которых ручейками бежали жгучие слезы, воспаленное сознание рисовало лица папы и мамы... Нет... Этого не могло быть!.. Так не бывает на свете!..

Антон вздрагивал, захлебываясь рыданиями, и вновь затихал лишь затем, чтобы опять провалиться в полную жгучего горя пустоту...

Потом, когда кончились слезы и силы, он открыл глаза, совершенно не понимая, что делать дальше, как жить...

— Я хочу есть... — услышал Антон свой собственный голос, прозвучавший откуда-то со стороны. Он не соображал, зачем произнес эту фразу. Просто ему нужно было что-то говорить, делать, лишь бы не молчать...

Капитан, погруженный в свои мрачные мысли, вздрогнул и поднял на него покрасневшие глаза.

— Сынок, попробуй поискать что-нибудь сам... — виновато ответил он. — Там в нише бытавтомата, должно быть, осталось что-то от последнего ужина...

Антон встал, действуя словно в полусне. От слабости у него кружилась голова, веки, опухшие от слез, больно пощипывало. Он чувствовал, что вот-вот расплачется вновь.

«Я так болен... — с детской эгоистичностью подумал он. — Капитан мог бы встать и найти мне

еду...»

Отойдя пару шагов от койки, он обернулся и посмотрел на Илью Матвеевича. Тот сидел, бессильно откинувшись в глубоком кресле. Его форменный полетный комбинезон был местами порван и испятнан кровью.

И еще... у капитана ниже колен не было обеих ног!..

— Дядя Белгард! — в истерике вскрикнул Антон, бросаясь к нему. — Простите меня, я не знал! Я не видел!..

Его маленькое тело тряслось от конвульсивных рыданий...

— Ничего, мой мальчик... Ничего... — шептал капитан, силясь не застонать от боли и поглаживая светлые волосы прильнувшего к его груди мальчика. — Главное, что ты сумел выбраться из этой проклятой оранжереи.

Антон вздрогнул, подавившись

рыданиями... Жуткий холод вдруг резанул по груди... Значит, это не дядя Белгард вытащил его из столба супензорного поля? Значит, те существа были на самом деле? Или их не было?

Ему было страшно... Этот страх, забравшись в детскую душу, постепенно сжимал все сильней и сильней крохотное, гулко бьющееся сердце.

— Найди мне аптечку, Антон... — простонал капитан, не в силах больше терпеть сжигавшую его боль.

Антон кивнул, вытирая слезы. Порывшись в развороченной каюте, где вещи, высыпавшиеся из шкафов, при ударе перемешались друг с другом, он не без труда нашел продолговатый цилиндр аварийной аптечки и протянул ее капитану.

Лицо Ильи Матвеевича наконец

расслабилось. Он сделал себе укол и на минуту обессиленно затих. Затем, оправившись, он порылся в содержимом футляра и протянул Антону две маленькие капсулы:

— Пей.

Антон послушно проглотил янтарные шарики в безвкусной оболочке.

— Что это, дядя Белгард? — удивленно спросил он, почувствовав, как проясняется в голове, а голод исчезает.

— Стимултоник, сынок... — объяснил капитан, глотая несколько таких же капсул. — Но без моего ведома не бери, ты понял? — строго спросил он и тут же объяснил:

— Это сильное лекарство. Оно позволяет очень усталому человеку вновь стать бодрым, но его частое применение может привести к плохим

последствиям.

Антон понуро кивнул. Его мысли в этот момент были заняты совсем другим.

— Дядя Белгард, — Антон почему-то не решался назвать его «капитан», — что с нами будет? Мы умрем?! — спросил он и замер, широко открыв глаза в ожидании ответа.

— Успокойся, мой мальчик! Мы останемся жить, у нас с тобой есть все шансы! — горячо заверил его Илья Матвеевич.

Капитан Белгард лгал Антону. Их разрушенный астероидным ударом корабль уже попал в гравитационное поле второй планеты системы и медленно, но неотвратимо приближался к границе ее атмосферы. В течение нескольких ближайших часов должна была наступить развязка, и Илья Матвеевич знал об этом...

* * *

Картографический разведывательный крейсер «Терра», построенный в 3685 году на стапелях космоверфи планеты Кьюиг, представлял собой собранную из отдельных модулей двадцатикилометровую конструкцию и был предназначен исключительно для межзвездной навигации. Внутрисистемное пространство, особенно там, где пролегали орбиты планет и властвовали мощные гравитационные поля, было строго противопоказано «Терре». Для разведки планет крейсер нес на своем борту три малых разведывательных корабля, которые были запаркованы в его трюме.

«Терра», в переводе с одного из

древних языков, означает — Земля. Это слово было известно в Галактике каждому, кто имел хоть какое-то понятие о космосе, звездах и истории. Для одних людей термин «Земля» означал не более чем древнее название, для других он олицетворял собой войну, для третьих это была недосягаемая мечта, для четвертых символ вечности и преемственности поколений.

Люди, отправившие двенадцать лет назад картографический крейсер в бездну неисследованного космоса, относились к части наиболее развитой галактической цивилизации. Они назвали корабль именем древней праородины, от которой в свое время видели немало зла, желая выразить свою уверенность в необратимости развития человеческого разума. Прошлое осталось прошлым, а полет

«Терры» был шагом в будущее, навстречу третьей волне галактической Экспансии человечества...

И вот этот могучий корабль, предмет гордости целой звездной системы, погибал. Разрушения, причиненные ему ударом астероидов, были непоправимы. Весь правый борт «Терры» был уничтожен, бронеплиты обшивки смяты, искорежены, а в некоторых местах и вовсе пробиты насеквоздь или сорваны касательными ударами многотонных каменных глыб. Вокруг искалеченного корабля парили облака мелких обломков, сгустков расплавленного во время взрывов и вновь застывшего в вакууме металла, различные предметы, контейнеры, приборы, вещи...

Корабль, медленно вращаясь вокруг своей оси, неуклонно приближался к приветливому, зеленовато-голубому

шарику второй планеты системы. И несмотря на чудовищные разрушения, в его недрах, среди покореженного катастрофой металла, теплились две человеческие жизни.

Капитан Белгард сидел на рифленом полу стартового трюма номер семь. Его лицо хранило следы боли, бессонницы и жестокой внутренней борьбы. Рядом с ним под плоским брюхом спускаемого модуля, присев на корточки, возился Антон. Руководствуясь советами Ильи Матвеевича, он пытался открыть запасной люк, расположенный в днище единственного уцелевшего после катастрофы спускаемого аппарата.

— У нас с тобой совсем не осталось времени, — произнес капитан.

— Дядя Белгард, я стараюсь... — пыхтя ответил Антон, который, действуя безинерционным ключом,

найденным в одном из неповрежденных отсеков, пытался отпустить два больших страховочных болта, которые были вкручены в люк еще до его рождения. Некоторая часть планетарной техники «Терры», тщательно подготовленная к полету еще на Кьюиге, осталась невостребованной во время полета, как, например, этот посадочный модуль, который вплоть до последнего момента оставался на консервации.

Десять стартовых отсеков, которые, как ячейки громадных сот, прилепились под плоским днищем картографического крейсера, пострадали от разрушений значительно меньше, чем расположенные вверху и по бортам помещения, но все же удар астероидов достиг и этой части корабля. Общая деформация корпуса вызвала перекос в механизмах

отпирания стартовых створов, и многотонные бронированные ворота шлюзов заклинило. Для такого случая и служил седьмой отсек, который считался резервным.

Десятиметровый спускаемый модуль, покрытый белоснежной, еще не тронутой космическими частицами броней, до катастрофы был укреплен на вращающемся ложементе стартовой катапульты, но во время обрушившихся на корабль ударов его сорвало с места, и теперь он лежал опрокинутый набок.

Антон, выламывая пальцы от непривычных усилий, висел на обрезке трубы, который капитан посоветовал использовать ему как усилитель для рукоятки ключа.

Сам Илья Матвеевич был бессилен помочь мальчику. Он едва удерживал себя на грани потери сознания. Один из основных ударов крупных космических

обломков пришелся прямо на купол главной ходовой рубки. В этот момент там находилось десять человек, и лишь ему удалось выжить. Ходовая рубка «Терры» была одним из немногих помещений крейсера, где действовала вторичная, супензорная защита корпуса, и потому, когда астероид проломил броню, там не произошло полной декомпрессии — автоматически включилось компенсирующее поле, и автоматы поддержания жизни почти мгновенно восстановили давление...

Он пришел в себя в полной невесомости, под бледным светом аварийных ламп. В первый момент Илья Матвеевич не мог разобрать, каковы последствия обрушившегося на корабль удара. Он был не в состоянии даже сориентироваться в развороченной рубке, которая в считанные мгновения стала

неузнаваемой. Вокруг него в невесомости плавали куски оплавленной брони, разбитые приборы и мертвые человеческие тела. Обзорный экран был выбит, и дыру в куполе заполняло зеленоватое сияние супензорной защиты...

...Капитан Белгард открыл глаза и посмотрел на мальчика, который висел на обрезке трубы, тщетно пытаясь выполнить непосильную работу.

— Погоди, Антон... — прохрипел Илья Матвеевич. Повалившись на бок, он, извиваясь, прополз разделявшие их метры и ухватился за конец трубы.

Вдвоем им удалось выкрутить страховочные болты, а затем, освободив винтовой запор, откинуть крышку вспомогательного люка, который теперь стал единственным входом в опрокинувшийся набок посадочный модуль.

Капитан, скрипя зубами, ухватился за скобы, расположенные в открывшемся проходе, и втащил вовнутрь свое беспомощное тело. Вслед за ним, отводя глаза, чтобы не видеть на месте ног капитана обрубков, в люк влез Антон. Лицо мальчика покрывала землистая бледность, глаза глубоко запали, и вокруг них обозначились синеватые круги.

— Попробуй закрыть люк... — прохрипел капитан, боком вползая в отсек, где перед пультом управления были расположены три противовесогрузочных кресла. По его подсчетам, у них оставалось еще минут пятнадцать до того момента, как обломки «Терры», следуя своему гибельному курсу, войдут в атмосферу планеты.

— Поторопись, Антон... — попросил он, из последних сил затаскивая себя в

противоперегрузочное кресло.

Перед глазами Белгарда плавали черные и оранжевые круги. Он действовал словно в полусне и, несмотря на принятый стимулятор, постоянно балансировал на грани глубокого обморока.

Единственное, что держало его в эти минуты, — это ответственность за жизнь мальчика. Не будь рядом Антона, он бы предпочел рухнуть вместе с искалеченным кораблем на поверхность планеты.

Положив дрожащие от боли и напряжения руки на пульт управления, капитан начал активацию систем модуля.

Спустя некоторое время в отсеке появился Антон. Бросив испуганный взгляд на ожившие обзорные экраны, он молча уселся в глубокое кресло и застыл в позе напряженного ожидания.

— Пристегнись... — приказал капитан.

— Я боюсь, дядя Белгард... — тихо признался мальчик.

Капитан, на секунду забыв о сжигающей его изнутри боли, протянул руку и коснулся худенького плеча Антона:

— Мы выберемся... я обещаю тебе.

На самом деле Илья Матвеевич сильно сомневался в успехе. Он не знал, достанет ли у него сил посадить модуль на ручном управлении...

По навигационному дисплею побежали строки сообщений бортового компьютера, справа и слева, на скошенных боковых консолях неярко осветилось несколько экранов и, попискивая, замерцали разноцветные сигналы.

— Антон, ты должен внимательно слушать и в точности делать то, что я

скажу... — задыхаясь от нового приступа дурноты, проговорил капитан.

Мальчик кивнул, глядя перед собой в одну точку. Его посиневшие губы мелко дрожали.

— Я постараюсь, дядя Белгард... — пообещал он.

— Тогда все, начинаем. Времени уже совсем нет.

Антон, застывший в кресле в напряженном ожидании команд, отчаянно пытался вспомнить в эти трагические секунды хоть что-нибудь из уроков космической навигации или управления аварийными спасательными капсулами, но тщетно — в его голове были лишь боль, страх и щемящее, тоскливое ощущение непоправимой утраты. Он думал о матери и об отце, не в силах понять, что их уже больше нет... Ему хотелось просто кричать до тех пор,

пока вместе с горькими рыданиями не уйдут последние силы...

— «Внимание, активирована система аварийного отстрела стартовых ложементов...» — ворвался в его затуманенный разум мягкий голос бортовой аудиосистемы. — «Повторяю...»

На включенных обзорных экранах было отчетливо видно, как в тесном стартовом отсеке, среди опрокинутых ударами заправочных ферм и разбитой контрольной аппаратуры, ярко вспыхнули уцелевшие сигнальные огни, бросая на свод и стены зловещие красные отсветы.

Внезапно две образующие свод помещения плиты вздрогнули и начали расходиться в стороны. Из образовавшегося прямоугольного отверстия вниз опустились две мощные механические клешни, которые с

лязгом сомкнулись на обшивке посадочного модуля и приподняли его над полом.

Белгард пробежал глазами по показаниям контрольных приборов и ввел команду аварийной разгерметизации.

Внизу, где на рифленых металлических плитах располагался покореженный и совершенно бесполезный теперь ложемент стартовой катапульты, внезапно пророкотал мощный взрыв. Это бортовой компьютер «Терры», повинуясь приказу с пульта управления модулем, отстрелил аварийные крепления. Еще секунда, и весь пол седьмого стартового отсека, вместе с покореженным ложементом, вздрогнул и провалился вниз, подчиняясь напору улетучившейся атмосферы отсека.

Антон взглянул на нижние экраны и

невольно зажмурился.

Они висели над бездонным провалом, который от края до края заполнял пухлый шар планеты.

— «Внимание! Десять секунд до расстыковки! Девять... Восемь...»

Внизу, на фоне белесых разводов голубовато-зеленой атмосферы, беспорядочно вращаясь, парила только что отстрелянная от корабля секция. Антон понял, что сейчас и они последуют вслед за ней, в эту страшную бездну...

— Дядя Белгард, я не хочу, я боюсь! — испуганно закричал он, перекрыв своим ломким от ужаса голосом монотонные сообщения аудиосистемы...

— Спокойно, сынок! Это всего лишь атмосфера, обыкновенный воздух, понимаешь? Там, внизу, твердая земля.

Мальчик, родившийся на борту

корабля, никак не мог разделить уверенности капитана. Все его чувства формировались среди ограниченного пространства корабельных палуб и отсеков. Конечно, он имел возможность постоянно созерцать звездную бездну, но раньше, до катастрофы, она имела для него скорее теоретический, декоративный смысл. И лишь стоя среди зеленоватого сияния супензорного поля в разрушенной оранжерее, он впервые воочию увидел и почувствовал, как страшна и безжалостна бывает она...

— Нет! — отчаянно вскрикнул он, но было уже поздно.

Механические клешни разжались, и посадочный модуль провалился вниз. Внутренности Антона внезапно замерли, в животе появился неприятный холод, и вдруг его желудок начал подкатываться к горлу.

— Есть отрыв!

Капитан не заметил, что по привычке дублирует голосом сообщения, которые выдавал бортовой компьютер спускаемого аппарата. Бешеный выброс адреналина на некоторое время заглушил его боль и вернул ясность мыслям.

Антон, разинув рот и выпучив глаза, сидел в кресле, отчаянно вцепившись в подлокотники. Его взгляд метался по сторонам, от экрана к экрану, но вокруг была только Бездна да пухлый шар планеты, и лишь вверху, на самом срезе обзорных секторов, во мраке космоса, вспыхивая разноцветными огнями, медленно удалялась какая-то смутно знакомая ему масса...

Через мгновение его желудок вернулся на место. Это автоматически включились генераторы поля искусственного тяготения. Тихо и

монотонно зашелестел вентилятор системы регенерации воздуха, и Антон внезапно почувствовал невероятное облегчение. Вокруг него снова был вполне исправный корабль, пусть маленький, но такой привычный...

Подняв глаза, он вновь увидел удаляющуюся массу покореженного металла, кое-где скучно расцвеченнюю искрами габаритных огней, и понял, что это их «Терра»...

На глаза мальчика навернулись слезы. Во мрак космоса улетал его дом, то место, где он родился и вырос, где остались тела его отца и матери.

В этот момент он впервые осознал, что потерял абсолютно все, а впереди... впереди была лишь пугающая неизвестность.

Капитан Белгард испытывал в этот момент схожие чувства. Как и Антон, он в оцепенении провожал взглядом

уплывающий за срез экранов израненный корабль, и при этом его побелевшие губы беззвучно шевелились...

Из задумчивости его вывели настойчивые звуковые сигналы пульта.

Планета заметно приближалась, казалось, что она начинает давить своей массой на экраны нижнего обзора.

— Смотрите, дядя Белгард! — внезапно вскрикнул Антон, указывая пальцем на один из обзорных экранов справа.

Капитан поднял глаза. В первый момент у него перехватило дыхание от неожиданности, когда он увидел два исполинских черных опахала, которые, лениво перетекая плавными волнами, величественно плыли в верхних, разреженных слоях атмосферы. При этом их иссиня-черная поверхность монотонно вспыхивала тысячу

крохотных искр...

— Держись, Антон! — мгновенно отреагировал он, отключая часть автоматики. В руки капитана с тихим, нежным присвистом серводвигателей поднялись штанги астронавигационных рулей.

Это были те самые образования, одно из которых погубило их корабль! Илья Матвеевич понял, что ему нельзя медлить ни секунды, потому что именно удивление и нерешительность погубили «Терру».

Он прекрасно помнил те роковые минуты перед самой катастрофой...

...Начиная стандартную процедуру сближения с планетой, все находившиеся на вахте члены экипажа были прекрасно осведомлены о небольшом скоплении астероидных масс. Курс десяти крупных каменных глыб и окружавшего их облака

космического мусора хотя и пролегал поблизости от траектории движения «Терры», но был абсолютно безопасен для корабля и никак не мог привести к столкновению.

Не мог... Пока за плотным ядром каменных глыб не простирали смутные очертания чего-то эфемерного, похожего на исполинское черное опахало, усеянное яркими блестками. Это «нечто» медленно колыхалось, плавно воздействуя на каменные обломки какой-то неуловимой для приборов слежения силой. Невиданное образование, похожее на опахало или парус, площадью в несколько сот квадратных километров, управлялось с массами астероидов, словно опытный погонщик со своим послушным стадом...

Чем больше Илья Матвеевич думал над этим роковым явлением, тем

явственнее начинал понимать, что именно это самое «опахало» и явилось причиной гибели «Терры», как бы фантастично ни звучало подобное утверждение.

Он видел собственными глазами, как *оно* двигалось в космическом пространстве по собственной, не зависящей от законов небесной механики воле и *гнало* впереди себя компактную массу астероидов!

...И вот теперь, сжав моментально взмокшими ладонями пористую, прорезиненную поверхность рулей, он со страхом и смятением наблюдал сразу два подобных образования, которые двигались в непосредственной близости от пологой траектории снижения модуля.

Тихо звяжал предупреждающий зуммер автопилотов. Бортовой компьютер требовал от человека каких-

то адекватных действий, и Илья Матвеевич, бросив мимолетный взгляд на оцепеневшего в своем кресле мальчика, начал опускать нос модуля, направляя его в атмосферу.

Короткое включение основных двигателей привело к тому, что Антона с силой вдавило в кресло, а два черных опахала вдруг стремительно проползли до верхней кромки экранов и исчезли из поля зрения видеосистем.

Вздох облегчения, готовый вырваться у Антона, вдруг застрял в его горле, когда громко и тревожно взывали сигналы кормовых сенсоров.

— Третий выключатель, справа от тебя, быстро! — скомандовал капитан. Антон, которого страх заставил соображать куда быстрее, чем обычно, обернулся к правому крылу вспомогательной панели управления.

Щелчок клавиши привел в действие

кормовые видеокамеры, и Илья Матвеевич увидел, как те самые призрачные образования, которые только что лениво плыли на границе стратосферы, быстро свернулись, приняв веретенообразную форму, и устремились вслед падающему навстречу планете модулю.

Капитан знал, что увеличивать скорость и угол снижения было если не самоубийственно, то, по крайней мере, очень рискованно, но разве оставался у него выбор?

Пока Белгард лихорадочно пытался принять решение, Антон со всевозрастающим страхом смотрел на два стремительно приближающихся сзади черных веретена.

— Дядя Белгард!.. — умоляюще взывал он, не выдержав этого глобального, подавляющего ужаса, что внушали ему преследователи.

Для мальчика вообще не существовало таких понятий, как траектория снижения, режим посадки, аэродинамические данные корпуса или атмосферное зондирование. Он просто хотел убежать, скрыться от тех существ, что совсем недавно прямо на его глазах уничтожили огромный космический корабль. В данный момент Антону было все равно, сгорят ли они в плотных слоях атмосферы, и вообще, можно ли выжить в том мире, что скрывала под собой пухлая, голубовато-зеленая шапка облачности.

Капитан Белгард больше не мог раздумывать. Устами ребенка в данный момент говорила истина: если их настигнут два этих веретена, то им никогда не сесть...

— Держись! — повторил он, направляя модуль почти вертикально вниз. Струи плазмы, ударившие из

маршевых двигателей модуля, толкнули его навстречу планете за несколько секунд до того, как два обитателя бездны приблизились и начали видоизменяться, пытаясь превратиться в чудовищные подобия гаснущих парашютных куполов.

Все эти метаморфозы произошли с опозданием, модуль уже ускорился, падая по самоубийственной траектории, и космические образования, попав в плазменный шлейф его двигателей, надулись, словно паруса древнего корабля, и вдруг лопнули, разлетаясь рваными лоскутьями черноты...

Зона высоких орбит вновь была свободна, но это уже ничем не могло помочь двум людям, заключенным внутри посадочного модуля, который, ворвавшись в плотные слои атмосферы, вдруг вспыхнул, как маленькое

новорожденное солнце, и, оставляя за собой дымящийся инверсионный след, стремительно пронзил зону клубящихся густых облаков...